Чувашские сказки

Рубашка из посконного полотна

У одной молодой вдове повадился злой дух. И так, и эдак бедная бабенка пыталась освободиться от из сил выбилась, а злой дух не отстает – да и все тут. Рассказала она о своей беде соседке, а та и говорит :
– А ты завесь дверь рубашкой из посконного полотна – она злого духа и не пропустит в избу.
Вдовица послушалась соседку, сшила длинную рубашку из посконного полотна и завесила ею дверь в избу. Ночью пришел злой дух, а рубаха ему и говорит:
– Погоди-ка, послушай, что мне пришлось видеть и испытать на своем веку.
– Ну, говори, – ответил злой дух.
– Еще до того, как на свет появиться, – начала свой рассказ рубашка, – и то сколько всяких хлопот со мной было. По весне землю вспахали, заборонили и только после этого меня, коноплю, посеяли. Прошло какое-то время – меня пробоpонили еще раз. Только тогда я взошла, на свет появилась. Ну, а когда появилась, расту, к солнышку тянусь...
– Ну, хватит, наверное, – говорит злой дух. – Пусти!
– Уж если начал слушать – дай досказать, – отвечает рубашка. – Когда я вырасту и созрею – меня выдергивают из земли...
– Я понял, – опять перебивает злой дух. – Пусти!
– Нет, еще ничего не понял, – не пускает его рубашка. – Дослушай... Потом меня молотят, отделяют семена...
– Хватит! – теряет терпение злой дух. – Пусти!
Но в это время на дворе кукарекает петух и злой дух исчезает, так и не побывав у вдовицы.
На другую ночь он прилетает опять. И опять рубашка не пускает его.
– Так на чем я остановилась? – говорит она. – Ах, да, на семенах. Мои семена Обдирают, веют, кладут на хранение, а то, на чем выросли семена, – коноплю – сначала складывают в стога, а потом долго, целых три недели, мочат в воде.
– Ну, все, что ли? – спрашивает злой дух. – Пускай!
– Нет, не все, – отвечает рубашка. – Я же еще в воде лежу. Через три недели меня вытаскивают из воды и ставят сушить.
– Хватит! – опять начинает сердиться злой дух. – Пусти!
– Ты же еще самого-то главного не слышал, – отвечает рубашка. – Не знаешь, как мнут-ломают мои кости... Так вот ломают и мнут меня до тех пор, пока все тело от костей не очистят. Мало того: еще кладут в ступу и давай втроем-вчетвером толочь пестами.
– Пусти! – опять начинает терять терпение злой дух.
– Из меня выбивают всю пыль, – продолжает рубашка, – оставляют лишь чистое тело. Потом меня вешают на чесалку, разделяют на тонкие волосинки и прядут. Напряденные нити наматывают на мотовило, потом опускают в щелок. Тогда мне бывает трудно, глаза забиты золой, я ничего не вижу...
– А я не хочу тебя больше слушать! – говорит злой дух и уже хочет пройти в избу, но в это время кукарекает петух и он исчезает.
И на третью ночь явился злой дух.
– Потом меня стирают, сушат, делают из меня мотки и пропускают через бердо, ткут и получается холст, – продолжает свой рассказ рубашка.
– Теперь-то все! – говорит злой дух. – Пусти!
– Еще совсем немного осталось, – отвечает рубашка. – Уж дослушай... Холст кипятят в щелочной воде, стелят на зеленую траву и стирают, чтобы вышла вся зола. И опять, уже по второму разу, толкут меня втроем-вчетвером, чтобы я стала мягкой. И только после этого отрезают от куска,

сколько нужно, и шьют. Вот только тогда положенное в землю семечко становится рубашкой, которой сейчас и завешена дверь...
Тут опять на дворе кукарекнул петух, и опять злому духу, не солоно хлебавши, пришлось убираться восвояси.
В конце концов надоело ему стоять перед дверью и слушать рубашкины россказни, с тех пор он перестал прилетать в этот дом и оставил молодую вдову в покое.